

УДК 821.161

*Г.М. Ребель***ТУРГЕНЕВ, ГОГОЛЬ И «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА»**

Статья посвящена проблеме соотношения творчества Тургенева и Гоголя в контексте эстетической программы «натуральной школы». Вопрос о характере влияния Гоголя на Тургенева до сих пор остается дискуссионным, как и вопрос о причастности обоих писателей к «натуральной школе». Данное Белинским определение «натуральной школы», с одной стороны, базировалось на ограниченном литературном материале, с другой – было чрезвычайно широким и в результате равно подходит к творчеству таких разных авторов, как Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Гончаров и др. Анализ творчества Тургенева позволяет утверждать, что, отдав дань принципам «физиологического» очерка в своих ранних драматических опытах, Тургенев-прозаик уже в «Записках охотника» демонстрирует принципиально новую художественную стратегию, которая в полную силу проявилась в его романах. Творчество Тургенева развивалось не в рамках «натуральной школы» в узком значении этого понятия и не в русле гротескного реализма Гоголя, который, в свою очередь, не вписывается в заданные «физиологическим очерком» 40-х гг. каноны.

Ключевые слова: Тургенев, Гоголь, Белинский, «натуральная школа», гротескный реализм, «физиологический очерк», реализм.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1005-1011

Тема соотношения гоголевского и тургеневского творчества, принадлежности Тургенева к гоголевскому направлению литературы уже на этапе раннего, дороманного творчества И.С. Тургенева приобрела дискуссионный характер. «Вскоре после смерти Белинского, – пишет С.П. Петров, – началась борьба в критике вокруг Тургенева. Герцен и Некрасов в своих оценках “Записок охотника” и других произведений Тургенева видели в нем талантливое и оригинальное преемника Гоголя. Либерально-эстетическая критика, признавая самый факт влияния Гоголя на Тургенева, в противоположность Герцену и Некрасову отрицательно оценивала это влияние и считала его неорганичным для Тургенева» [15. С. 233]. Выразительной иллюстрацией «либерально-эстетической» оценки является высказывание А.В. Дружинина. Полагая, что «текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением» [10. С. 61], он в письме к В.П. Боткину (1855 г.) иллюстрирует это следующим образом: «Тургенева, например, Гоголь замучил, обессилил, стал ему поперек дороги. До сих пор, ни в одной из своих вещей Тургенев не высказал сотой доли своей милой, светлой природы, так<ой> поэтической и так великолепно образованной», и причина тому, с точки зрения Дружинина, в том, что Тургенев, вслед за Гоголем, но вопреки природе своего дарования, хочет быть «обличителем общественных ран и карателем общественных пороков» [16. С.47].

У этой темы есть важный литературно-критический аспект, подробно освещенный в статье В.А. Лукиной «Кому “жал” башмак Гоголя?» (см.: [12]), в которой справедливо указывается на то, что «в оценке Гоголя и Пушкина Тургенев не мог согласиться до конца ни с Чернышевским, ни с Дружининым» [12. С. 159]. Как объясняет Н.П. Генералова, «высокие требования к художественной стороне любого рассматриваемого произведения» не позволяли Тургеневу, «игнорируя эстетическую сущность искусства, переходить в стан публицистов» [5. С. 261]. Соответственно поставленную проблему резонно рассматривать прежде всего с собственно эстетических позиций. Попробуем заново проблематизировать ситуацию, вновь озадачившись сравнительным определением характера творчества Гоголя и Тургенева в контексте концепции «натуральной школы».

Тургенев о Гоголе мыслит в двух аспектах.

Когда он пишет о том, что «оба влияния [пушкинское и гоголевское] <...> необходимы в нашей литературе» [23. С. 308], – здесь очевидно речь идет о Гоголе в том значении, которое ему придавал В.Г. Белинский, а впоследствии Н.Г. Чернышевский. В этом же смысле, по-видимому, Тургенев считает себя «одним из самых малых учеников его» [23. С. 38].

Когда же в 1854 г., рекомендуя одному из своих корреспондентов прочитать только что появившуюся в «Современнике» повесть Л.Н. Толстого «Отрочество», Тургенев замечает: «Вот наконец преемник Гоголя» [23. С. 234], когда в письме к С.Т. Аксакову (1 (13) ноября 1856) он называет себя одним из «писателей междуцарствия – эпохи между Гоголем и будущим главою» (ТП 3, 32) (на роль

последнего он будет прочить опять-таки Толстого), – вряд ли речь идет о «гоголевском направлении», о Гоголе-сатирике, критике российской действительности, о «школе» в узкоспециальном значении этого термина. В данном случае преемство обозначено скорее символически – как эстафета, которую принимают от великого писателя литераторы следующего поколения.

Вопрос об *эстетической* стороне проблемы «Тургенев, Гоголь и натуральная школа», в сущности, остается открытым, в связи с чем мы и поставим его вновь, разделив на составляющие:

– справедливы ли были суждения Дружинина, поддержанные В.П. Боткиным, о том, гоголевское направление, избранное Тургеневым, «не соответствует вовсе его таланту» [16. С. 39]?

– можно ли вообще говорить о Тургеневе как о преемнике Гоголя и представителе *натуральной школы* или *гоголевского направления* в русской литературе?

– и более того: является ли Гоголь основателем *натуральной школы*?

Рискнем высказать на сей счет кое-какие соображения и начнем с последнего вопроса.

Идеологическое «фиаско» гоголевской «Переписки» помешало современникам вникнуть в содержащиеся в ней чрезвычайно важные эстетические откровения писателя: «Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними со всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю и что по прочтенье всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на Божий свет» [8. С. 247].

Натуральная школа позаимствует у Гоголя «технологию»: детальный очерк социального типажа, данного в его определенной, сложившейся характерности в обобщенном виде и в ситуации, раскрывающей его природу. Однако сам гоголевский персонаж не вполне «натурален», если не сказать совсем не натурален. «...Все это карикатура и моя собственная выдумка», – настаивал Гоголь, упирая на особенности художественной оптики: «...Кошмары эти давили мою собственную душу: что было в душе, то из нее и вышло» [8. С. 251].

Но *гротескный реализм*, сквозь призму которого Гоголь показал не «натуральную», а сгущенную, концентрированную пошлость, еще не был и не мог быть предметом специального профессионального осмысления. Только что было впервые сформулировано определение «реальной поэзии» как «поэзии действительности», которая «не пересоздает жизнь, но воспроизводит, воссоздает ее и, как выпуклое стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразные ее явления, выбирая из них те, которые нужны для составления полной, оживленной и единой картины» [2. С. 145-146]. Это очень широкое определение, которое в равной мере приложимо и к Лермонтову, и к Тургеневу, и к Толстому, и к Достоевскому, которых вообще еще нет в 1835 г., когда оно было дано Белинским, и к Пушкину, который уже есть, и к будущему Гоголю – автору «Ревизора» и «Мертвых душ», при всем колоссальном различии между этими художественными явлениями.

Белинский сражается за Гоголя-«реалиста» (это более поздний термин, но смысл его задан именно Белинским) и при этом, не располагая научным инструментарием, очень точно описывает гоголевскую художественную стратегию: «Тем-то и велико создание “Мертвые души”, что в нем вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей» [3. С. 159]. Но *вскрыта* и *разанатомирована* – не значит ли «остановлена», «умерщвлена» и превращена в «чучело», фиксирующее в статике действительно сущностные элементы – но при этом дающее их не в естественных пропорциях («прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними со всеми» – замечает Гоголь), а в гротескном сгущении.

В современном литературоведении просматривается тенденция утеплять и реабилитировать гоголевских персонажей [см. 1], однако не противоречит ли она логике самого Гоголя, который, не дожидаясь литературно-критических обобщений, но по их – а именно опять-таки Белинского – подсказке, сам типологически аттестует своих героев: «человек ни то ни се», «дубинноголовая», «исторический человек», «кулак», «прореха на человечестве», «подлец», превращая каждого из них в формулу, знак, титульное воплощение некоего статуса, за которым нет и быть не может неисчерпанной личностной глубины и недораскрытости.

Суть этой методы сформулировал В.В. Розанов, писавший, что Гоголь «был гениальный живописец внешних форм и изображению их, к чему одному был способен, придал каким-то волшебством такую жизненность, почти скульптурность, что никто не заметил, как за этими формами ничего, в сущности, не скрывается, нет никакой души, нет того, кто бы носил их» [20. С. 48].

Физиологический очерк, задавший стратегию натуральной школы, стремится к предельной жизненности, узнаваемости, буквальному жизнеподобию предмета изображения, дает его в привычном социальном контексте характерными типовыми чертами: вот дворник, вот ямщик, вот чиновник и т. д. В сущности, это очерковая, публицистическая, научно-популярная, просветительская задача. Художник всегда делает больше, а соответственно – *не так*.

Гоголь предъявляет не «физиологию» в том смысле, как это понималось в 40-е гг., а гротескную типологию социальных явлений, свое собственное их видение («кошмары»), художническое преломление и сгущение – «выдумку», которая очень похожа на реальность, но таковой не является. Тем более что саму реальность Гоголь представлял весьма отвлеченно, многократно признаваясь в том, что очень плохо знает русскую жизнь. Именно отсюда эта стилистически неловкая формула: «Нужно проездиться по России» [8. С. 255]. Он по ней *проездился* – но «виртуально», в воображении своем, в фантазии – а не в буквальном, реальном плане.

«Известен взгляд, по которому вся наша новейшая литература исходит из Гоголя, – пишет Розанов, – было бы правильнее сказать, что она вся в своем целом явилась отрицанием Гоголя, борьбою против него. Она вытекает из него, если смотреть на дело с внешней стороны, сравнивать приемы художественного творчества, его формы и предметы. Так же как и Гоголь, весь ряд последующих писателей, Тургенев, Достоевский, Островский, Гончаров, Л. Толстой, имеют дело только с действительною жизнью, а не с созданною в воображении (“Цыганы”, “Мцыри”), с положениями, в которых мы все бываем, с отношениями, в которые мы все входим. Но если посмотреть на дело с внутренней стороны, если сравнить по содержанию творчество Гоголя с творчеством его мнимых преемников, то нельзя не увидеть между ними диаметральной противоположности. Правда, взор его и их был одинаково устремлен на жизнь: но то, что они увидели в ней и изобразили, не имеет ничего общего с тем, что видел и изображал он» [20. С. 47-48]. Конечно, это заострение, но очень важное, особенно в контексте сложившейся традиции все выводить из всего, в ущерб осознанию уникальности нового художественного явления. Именно по этой ущербной логике Тургенева «выводят» из Гоголя.

Справедливости ради следует сказать, что ранний Тургенев, до «Записок охотника», пребывая в поисках самого себя, делал попытки приобщения к натуральной стратегии и физиологическим жизнеописаниям. Ближе всего к натуральной школе Тургенев был в своих драматургических опытах, на что указывала Л.М.Лотман: «Во второй половине 40-х годов, в одно время с выходом в свет программных изданий натуральной школы “Физиологии Петербурга”, “Петербургского сборника” и других, Тургенев написал несколько драматических произведений – бытовых сцен, близких по стилю к физиологическим очеркам» [11. С. 538]. Однако уже «Месяц в деревне» никак не подпадает под «натуральную» стратегию, эта пьеса задолго до А.П. Чехова пролагает пути психологической драмы.

Как автор «Записок охотника» Тургенев *внешне* – т.е. по предмету и формам изображения – ближе, чем Гоголь, и к физиологическому очерку, и к натуральной школе. Однако внешне не значит по сути.

Среди других пронизательных наблюдений М.О. Гершензона над принципами изображения крестьян в «Записках охотника» есть следующее: «Хорошо, что Тургенев дал их всех *не в фабулах*, как зверей в клетках, а показал их *в свободном состоянии*» [6. С. 70]. Герои физиологического очерка существуют именно в «фабулах-клетках» и поданы в качестве любопытных экземпляров определенного типа. А герои Тургенева, заявленные в качестве социальных типов (см. начало рассказа «Хорь и Калиныч» – рассуждение о разнице между орловской и калужской породой людей), тотчас ломают рамки и переходят означенную было границу, причем сразу в двух направлениях: обнаруживая, с одной стороны, индивидуальное, личностное, а не социально-типическое; с другой – универсальное, общечеловеческое, опять-таки не сводимое к нишевому статусу и представительству. Даже безвольный продукт крепостничества Сучок («Льгов»), каким мы его видим в финале рассказа, не равен себе начальному. Что уж говорить про Лукерью («Живые мощи»), которая в ходе сюжета из несчастной жертвы несчастного случая, минуя свое крепостное состояние, вырастает в человека огромного личностного масштаба и одновременно позволяет раскрыться масштабу и сути фигуры рассказчика.

«В произведениях Тургенева, – читаем в работе современного культуролога, – сюжет практически вообще не играет никакой роли, и в этом одна из особенностей “натуральной школы”» [13. С. 187]. Натуральная школа действительно «стремилась к очерковости и сюжетной редуцированности» [13. С. 187]. Но в случае Тургенева все ровно наоборот: даже там, где внешне повествование строится по законам очерка, по сути оно таковым не является, намного превышая эту жанровую ме-

ру, и реализуется этот «избыток» именно в сюжете, причем подчас не так, как изначально было задумано, а так, как диктует логика разворачивания характера героя, чему и служит сюжет.

Традиция причисления Тургенева к натуральной школе породила литературоведческие оценки, которые, к сожалению, вновь и вновь некритически воспроизводятся в работах современных исследователей, – а именно трактовки Л.М. Гинзбург и Г.А. Бялого, которые рассматривали тургеневского романического (!) героя исключительно как социально-исторический тип, чья психология и личностные особенности объясняются и исчерпываются временем и «средой». «Тургенев в своих романах, – пишет Гинзбург, – <...> хотел создать “беспримесную”, устойчивую модель исторического характера» [7. С. 309]; «главные герои романов Тургенева наделены твердо очерченным характером с очень устойчивыми свойствами, заявляющими о себе в каждом высказывании, поступке, жесте персонажа» [7. С. 312].

Однако уже относительно героев «Записок охотника» это не так (в скобках заметим, что исключение составляют помещики вроде Пеночкина), а к героям романа приведенная формула вообще не приложима, и если, как она пишет, «литературный психологизм начинается <...> с несовпадений, с непредвиденности поведения героя» [7. С. 312], то начало этому в русской литературе положил не Толстой, как утверждает Гинзбург, а Тургенев, который еще 1848 г., задолго до своих романов в маленькой и не самой совершенной своей повести «Петушков» показал, как в «гоголевском» персонаже, эдаком гибриде Акакия Акакиевича и Хлестакова, в рамках предсказуемо анекдотической бытовой ситуации зарождается и прорастает непредсказуемое, «неуместное», не по статусу данное чувство неодолимой силы, в результате чего нелепый, жалкий, ничтожный – кажущийся и «исторически» долженствующий быть таковым! – человек переживает сокрушительную силу любви, в судьбе своей обнаруживает и обнажает «смертный ее корень» [22. С. 86].

Что же касается романских героев Тургенева, то, начиная с Рудина, каждый из них в широком смысле слова «неоконченный человек», т. е. не поддающийся однозначному «пришпиливанию» и абсолютно не сводимый к своему социально-историческому статусу, к которому редуцирует того же Рудина, а затем Базарова Гинзбург (см.: [17. С. 245-249]).

Сюжетная формула романа Тургенева дана в «Отцах и детях»: «Ну, а сам господин Базаров, собственно, что такое?» Достаточно сравнить ее, с одной стороны, с гоголевской формулой «припряжем подлеца», с другой стороны – с формулой Гончарова из романа «Обломов» «Отчего я такой?», чтобы увидеть самими писателями обозначенные принципиально разные художественные стратегии.

Гоголь действительно «припрягает» («пришпиливает») героя в определенном статусе и качестве, создает фиксированный образ утрированными, гротескными красками – в этом плане, т. е. по способу, по принципам изображения, Тарас Бульба и старосветские помещики не отличаются от «уродов» из «Мертвых душ». В задуманном, мучительно вынашиваемом, но так и не осуществленном продолжении своей поэмы Гоголь пытался *распрячь* «подлеца», высвободить его из того кокона, в котором он дан в первом томе, – но на этом пути потерпел поражение. Пророческими оказались опасения Белинского: «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете...» [3. С. 146], но главное – того не было в самом художественном мышлении, в художественном методе Гоголя.

Гончаров исследует социальные и психологические истоки воссоздаваемых типов и в этом плане он точнее подпадает под определение Гинзбург в качестве создателя «исторических характеров», хотя и в случае Обломова дело отнюдь не ограничивается привязкой к среде и обстоятельствам, ибо «при всей своей вписанности в заданные авторским Планом параметры, Обломов ими отнюдь не исчерпывается» [18. С. 176].

Что же касается Тургенева, то он задает сюжетную траекторию, позволяющую раскрыться личности, человеческой уникальности героя и при этом неизменно оставляет за героем право на личную неприкосновенность, на недоговоренность, на тайну. К тому же, в отличие от Гоголя и Гончарова, Тургенев является создателем *идеологического* романа, но и герой-идеолог его интересует прежде всего как человек во всем своеобразии его *лица*, уникальности судьбы и универсальности стоящих перед ним проблем. При этом идеологический роман в варианте Тургенева – это *роман-как-жизнь* (см.: [19. С. 363]), создающий *иллюзию* самораскрывающейся действительности – но *жизненноподобное* не есть *натуральное*. «...Я, конечно, реалист и сын своего времени» [27. С. 358], – писал Тургенев и тут же уточнял: «...один реализм губителен – правда, как ни сильна, не искусство» [25. С. 159].

Полемическим эстетическим откликом на тургеневский идеологический роман-как-жизнь становится идеологический *роман-утопия Чернышевского* и идеологический *роман-эксперимент* (см.: [17. С. 363]) Достоевского – именно так, в такой последовательности возникает идеологическая модификация русского романа, что, в свою очередь является свидетельством новаторства Тургенева и важнейшей системообразующей его роли в литературном процессе XIX в. – факт, пронизательно зафиксированный в 1859 г. Александром Васильевичем Никитенко, назвавшим Тургенева одним из *лучших строителей* [14. С. 61] русской литературы.

Натуральная школа описывала сложившиеся, устоявшиеся явления именно в их явленном воочию, стабильном качестве. Тургенев в этом же материале обнаруживал неочевидный, невидимый потенциал, внутреннюю энергию движения, развития. В том числе отсюда формула Белинского:

«Автор зашёл к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто ещё не заходил» [4. С. 400].

Эту формулу можно и должно распространить на все творчество Тургенева, который, по сути дела, заново открыл национальный мир, в образах своих главных героев задал новые каноны и образцы, новые личностные стратегии, новые пути самореализации. Он был не описателем данности, а художественным аналитиком и прогнозистом скрытых, глубинных токов социального бытия. Он ранее других «угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях обыкновенно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество» [9. С. 174]. Но его художественное мышление не было сковано рамками общественных запросов и проблем, социальное в его творчестве – не констатация данности, а прозрение, плод художественной интуиции, воображения, таланта.

В письме Я.П. Полонскому от 2 января 1868 г. Тургенев сам замечательно объяснил суть интересующего нас вопроса: «Недостаток талантов, особенно талантов поэтических — вот наша беда. После Льва Толстого ничего не явилось — а ведь его первая вещь напечатана в 1852 году! Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д. — но где же вымысел, сила, воображение, *выдумка* где? Они ничего *выдумать* не могут [напомним гоголевское: «это все моя выдумка». — *Г.Р.*] — и, пожалуй, даже радуются тому: эдак мы, полагают они, ближе к правде. Правда — воздух, без которого дышать нельзя; но искусство — растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа — *бессемянники* и *посеять* ничего не могут» [26. С. 26].

Это абсолютно точное и исчерпывающее разведение натуральной школы и очень широкого, не имеющего четко очерченных границ понятия реализма. Белинский не мог еще дифференцировать эти явления. У него не было для этого литературного материала, и в том же Тургеневе он видел еще только бытописателя. В контексте литературы XIX в., т.е. в том контексте, которого Белинский не мог знать, очевидно, что ни Гоголь, ни Тургенев натуральную школу не представляют, они — совершенно по-разному — гораздо больше любой школы.

13 сентября 1856 г. Тургенев писал еще начинающему Толстому: «Вы слишком сами крепки на своих ногах, чтобы сделаться чьим-нибудь последователем» [24. С. 13]. Это в полной мере относится и к самому Тургеневу относительно Гоголя и даже относительно Пушкина, который, с точки зрения Розанова, в самом широком смысле слова скорее может считаться основателем школы, нежели Гоголь. Но «и Тургенев, и Толстой, уже по силе и самостоятельности своей, сами суть школа, суть солнца-человеки, а не спутники-планеты другого солнца» [21. С. 339], — этой формулой Розанова можно воспользоваться для характеристики всех классиков XIX в., каждый из которых — литература в литературе, создатель и законодатель не только новых жанровых форм, на что обратил внимание еще Толстой, ссылавшийся при этом на разговор с Тургеневым, но и уникальных художественных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова Е.И. Путеводитель по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». М.: Изд-во МГУ, 2011. 208 с.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1976. 736 с.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 5, М.: Худож. лит-ра, 1979. 631 с.
4. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М.: Худож. лит-ра, 1982. 783 с.
5. Генералова Н.П. Еще раз Белинский (О литературно-критических взглядах И.С. Тургенева) // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I. СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 241-261.
6. Гершензон М. Мечта и мысль Тургенева. — М., 1919. 170 с.
7. Гинзбург Л.О. психологической прозе. Л.: СП, 1971. 464 с.

8. Гоголь Н.В. Собр.соч.в 8 т. Т. 6. М.: Худ.лит-ра. 1986. 543 с.
9. Добролюбов Н.А. Избранные статьи. М.: Сов. Россия, 1878. 368 с.
10. Дружинин А.В. А. Литературная критика. М.: Сов. Россия, 1983. 384 с.
11. Лотман Л.М. Драматургия И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Полн.собр.соч. в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1978. С. 528-560.
12. Лукина В.А. Кому «жал» башмак Гоголя // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 2. С. 145-159.
13. Надеждина Е.В. Художественный текст в структуре реальности // Общественные науки. 2001. № 1. С. 183-192.
14. Никитенко А.В. Записки и дневник (В 3-х книгах). Т. 2. М.: Захаров, 2005. 608 с.
15. Петров С.М. И.С. Тургенев. Творческий путь. М.: Худ. лит-ра, 1979. 542 с.
16. Письма к А.В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П.С.Попова. М., 1948. С. 4. (Летописи ГЛМ. Кн. 9). 423 с.
17. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского: Типологические явления русской литературы XIX века. Пермь, 2007. 398 с.
18. Ребель Г.М. Обломов и другие // Вопросы литературы. 2012. № 6. С. 158-187.
19. Ребель Г.М. Русская литература XIX века: Типология героев и жанровых форм. М.: Флинта, 2018. 384 с.
20. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. 605 с.
21. Розанов В.И. Гоголь // Мир искусства. 1902. Т. 8. № 12 (декабрь). С. 337-342.
22. Топоров В. Н. Станный Тургенев (Четыре главы). М.: РГГУ, 1998. 192 с.
23. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1961. Т. 2. 718 с.
24. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1961. Т. 3. 730 с.
25. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1963. Т. 5. 775 с.
26. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1964. Т. 7. 618 с.
27. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1964. Т. 8. 618 с.

Поступила в редакцию 14.11.2019

Ребель Галина Михайловна, доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: ranilag@yandex.ru

G.M. Rebel

TURGENEV, GOGOL AND “NATURAL SCHOOL”

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1005-1011

The article is devoted to the problem of correlation of Turgenev and Gogol's creativity in the context of the aesthetic program of the “natural school”. The issue of the nature of Gogol's influence on Turgenev is still debatable, as well as the issue of the involvement of both writers in the “natural school”. Belinsky's definition of the “natural school”, on the one hand, was based on limited literary material, on the other – was extremely broad and as a result is equally suited to the work of such different authors as Gogol, Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, Goncharov, etc. An analysis of Turgenev's work suggests that, having paid tribute to the principles of “physiological” essay in his early dramatic experiments, already in the “Hunter's notes” Turgenev demonstrates a fundamentally new artistic strategy, which is fully manifested in his novels. Turgenev's creativity developed not within the framework of the “natural school” in the narrow meaning of this concept and not in the mainstream of Gogol's grotesque realism, which in turn does not fit into the canons set by the “physiological essay” of the 40s.

Keywords: Turgenev, Gogol, Belinsky, “natural school”, grotesque realism, “physiological essay”, realism.

REFERENCES

1. Annenkova E.I. Putevoditel po poeme N.V. Gogolya «Mertvie dushi» [Guide to Gogol's poem «Dead souls»]. Moscow: Moscow state University, 2011. 208 p. (In Russian).
2. Belinsky V.G. Sobr.soch. v 9 t. T. 1. [Collected works in 9 vols. Vol. 1]. M., 1976. 736 p. (In Russian).
3. Belinsky V.G. Sobr.soch. v 9 t. T. 5. [Collected works in 9 vols. Vol. 5]. M., 1979. 631 p. (In Russian).
4. Belinsky V.G. Sobr.soch. v 9 t. T. 5. [Collected works in 9 vols. Vol. 5]. M., 1982. 783 p. (In Russian).
5. Generalova N.P. Esche raz Belinskii (o literaturno_kriticheskikh vzglyadah I.S. Turgeneva. [Once again Belinsky (about literary and critical views of I. S. Turgenev)] // I.S. Turgenev. New research and materials. I. SPb.: Alliance-Archeo, 2009. pp. 241-261. (In Russian).
6. Gershenzon M. Mechta i misl Turgeneva [The Dream and the thought of Turgenev]. M., 1919. 170 p. (In Russian).
7. L. Ginzburg. O psihologicheskoi proze [On psychological prose]. L.: SP, 1971. 464 p. (In Russian).
8. Gogol N. V. Sobr.soch.v 8 t. T. 6. [Collected works in 8 vols]. M.: Hood.lit-RA. 1986. 543 p. (In Russian).
9. Dobrolyubov N. A. Izbrannie stati [Selected articles]. M.: Sov. Russia, 1878. 368 p. (In Russian).
10. Druzhinin A.V. Literaturnaya kritika [Literary criticism]. M.: Sov. Russia, 1983. 384 p. (In Russian).
11. Lotman L. M. Dramaturgiya I.S.Turgeneva [The Dramaturgy Of I. S. Turgenev] // Turgenev I.S. Full.Coll.Op. in 30 vols. Works in 12 vols. 2. Moscow: Nauka, 1978. pp. 528-560. (In Russian).
12. Lukina V.A. Komu «jal» bashmak Gogolya [Who «stung» Gogol's Shoe] // I.S. Turgenev: Novie issledovaniya i materialy [I.S. Turgenev: New research and materials]. M.; SPb.: Alliance-Archeo, 2011. Vol. 2. Pp. 145-159. (In Russian).
13. Nadezhkina E.V. Hudojestvennii tekst v strukture realnosti [Artistic text in the structure of reality] // Social Sciences. 2001. No. 1. Pp. 183-192. (In Russian).
14. Nikitenko A.V. Zapiski i dnevnik (V 3_h knigah) [Notes and diary (in 3 books)]. Vol. Moscow: Zakharov, 2005. 608 pp. (In Russian).
15. Petrov S.M. I.S. Turgenev. Tvorcheskii put [I.S. Turgenev. Creative way]. M.: Hood. lit-RA, 1979. 542 pp. (In Russian).
16. Pisma k A.V. Druzhininu [Letters to A. V. Druzhinin] (1850-1863) / Ed. and comment. P. S. Popova. Moscow, 1948. C. 4. (The annals of GLM. kN. 9). 423 pp. (In Russian).
17. Rebel G.M. Geroi i janrovie formi romanov Turgeneva i Dostoevskogo: Tipologicheskie yavleniya russkoi literaturi XIX veka [Heroes and genre forms of novels by Turgenev and Dostoevsky: Typological phenomena of Russian literature of the XIX century]. Perm, 2007. 398 pp. (In Russian).
18. Rebel G.M. Oblomov i drugie [Oblomov and others] // Voprosi literaturi [Questions of literature]. 2012. No. 6. pp. 158-187. (In Russian).
19. Rebel G.M. Russkaya literatura XIX veka: Tipologiya geroev i janrovih form [Russian literature of the XIX century: Typology of heroes and genre forms]. Moscow: Flint, 2018. 384 p. (In Russian).
20. Rozanov V.V. Nesovmestimie kontrasti jitiya: Literaturno_esteticheskie raboti raznih let [Incompatible contrasts of life: Literary and aesthetic works of different years]. Moscow: Iskusstvo, 1990. 605 p. (In Russian).
21. Rozanov V.I. Gogol // Mir iskusstva [World of art]. 1902. Vol. 8. No. 12 (December). pp. 337-342. (In Russian).
22. Toporov V.N. Strannii Turgenev (Chetire glavi) [Strange Turgenev (Four chapters)]. Moscow: RSUH, 1998. 192 p. (In Russian).
23. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem v 28 t. Pisma v 13 t. [Complete works. and letters in 28 t. Letters in 13 t.] M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1961. Vol. 718 pp. (In Russian).
24. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem v 28 t. Pisma v 13 t. [Complete works and letters in 28 t. Letters in 13 t.] M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1961. Vol. 730 pp. (In Russian).
25. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem v 28 t. Pisma v 13 t. [Complete works and letters in 28 t. Letters in 13 t.] M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1963. Vol. 5. 775 pp. (In Russian).
26. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem v 28 t. Pisma v 13 t. [Complete works and letters in 28 t. Letters in 13 t.] M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1964. Vol. 7. 618 pp. (In Russian).
27. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem v 28 t. Pisma v 13 t. [Complete works and letters in 28 t. Letters in 13 t.] M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1964. Vol. 8. 618 pp. (In Russian).

Received 14.11.2019

Rebel G.M., Doctor of Philology, Associate Professor
Perm State Humanitarian and Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: ranilag@yandex.ru